

А. А. ТУРИЛОВ

Slavia Cyrillomethodiana:

Источниковедение истории и культуры
южных славян и Древней Руси

Межславянские культурные связи
эпохи средневековья

УДК 94(100)
ББК 63.3(2)41
Т 86

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы*

Отв. редактор:
член-корреспондент РАН, д. и. н. *Б. Н. Флоря*

Рецензенты:
д. ф. н. *Н. Н. Запольская*;
д. ф. н. *Е. Л. Конявская*

Утверждено к печати
Ученым советом Института славяноведения РАН

Турилов А. А.

Т 86 *Slavia Cyrillomethodiana: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси. Межславянские культурные связи эпохи средневековья.* — М.: Знак, 2010. — 488 с.

ISBN 978-5-9551-0450-8

Книга представляет собой сборник статей по истории средневековой культуры православных славянских стран, связанных общностью книжно-письменной традиции, восходящей к эпохе Кирилла и Мефодия. В работах, входящих в сборник, на большом фактическом материале (во многом представляющем результаты собственных разысканий автора) рассматривается судьба кирилло-мефодиевского наследия в разных странах и регионах славянского мира с X по XVI в., ее общие черты, специфика и закономерности трансформации. Особое внимание уделено в книге межславянским культурным связям, их причинам, ходу и механизмам осуществления в периоды сближения национально-региональных традиций на рубеже XII—XIII («первое восточнославянское влияние») и в XIV—XV вв. («второе южнославянское влияние»). Книга представляет интерес для широкого круга историков, лингвистов, литературоведов и богословов.

ББК 63.3

*На переплете: Кирилл и Мефодий с учениками.
Фреска монастыря святого Наума Охридского (Македония)*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0450-8

© А. А. Турилов, 2010
© Знак, 2010

*Светлой памяти моих родителей —
Аркадия Федоровича (1910—1983) и
Нины Викторовны (1918—2001) Туриловых*

СОДЕРЖАНИЕ

I. Древнейшие межславянские культурные связи и судьбы кирилло-мефодиевского наследия в национально-региональных традициях

Древнерусская культура в контексте средневековых славянских (на материале книжности): Вместо предисловия	9
Судьба древнейших славянских литературных памятников в средневековых национально-региональных традициях	18
Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV—XVI вв. (заметки к оценке явления)	39
К уточнению объема и состава древнейшего славянского оригинального гимнографического корпуса в древнерусской традиции (на материале минейных служб).	65
К определению объема творческого наследия учеников Кирилла и Мефодия в составе славянского Требника (Предварительные наблюдения над южнославянской рукописной и старопечатной традицией)	85
Роль сербской традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы	103

II. История и культура Болгарии IX—X вв.

Две забытые даты болгарской церковно-политической истории IX в. (К вопросу формирования болгарского варианта церковного месяцеслова в эпоху Первого царства)	117
Византийский и славянский пласты в «Сказании инокa Христодула» (К вопросу о происхождении памятника)	147
«Не где князь живет, но вне» (Болгарское общество в конце IX в. по данным «Сказания о железном кресте»).	167

III. Культурные связи Руси с южными славянами в XII—XIII вв.: «первое восточнославянское влияние»

Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. (проблемы и перспективы изучения)	181
«Поучение Моисея» и сборник игумена Спиридона (Новгородский памятник XII в. в контексте русско-южнославянских связей)	210

IV. «Второе южнославянское влияние» и русская книжная культура XIV—XV вв.

Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV в. и «второе южнославянское влияние»	235
К вопросу о сербском компоненте во «втором южнославянском влиянии»	283
О времени и месте создания пергаменного Евангелия «Мемнона-книгописца»	304
К истории Стишного пролога на Руси в XIV—XV вв.	340
К вопросу периодизации русско-южнославянских литературных связей XV — начала XVI в.	350
Addenda et corrigenda	361
Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: парадоксы истории и географии культурных связей	365
Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV—XVI вв.	410
Первые публикации статей	439
Указатель шифров рукописей, упоминаемых в издании	442
Указатель географических названий	463
Именной указатель	469

I

ДРЕВНЕЙШИЕ МЕЖСЛАВЯНСКИЕ
КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ И СУДЬБЫ
КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОГО НАСЛЕДИЯ
В НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫХ
ТРАДИЦИЯХ

ДРЕВНЕРУССКАЯ КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ
(на материале книжности)

Вместо предисловия

Древнерусская книжная культура XI—XVI вв. (для последних полутора столетий следует говорить уже о двух ее вариантах — великорусском («московском») и украинско-белорусском) при сопоставлении с книжно-литературной традицией других славянских стран вполне может быть охарактеризована как культура-хранительница или культура-наследница. Такое определение не относится к оценке оригинального древнерусского литературного наследия (безусловно, одного из самых обширных, если не самого обширного в славянском мире), а касается, естественно, только круга памятников, общего для всех (либо значительной части) средневековых славянских литератур. Функция сохранения памятников предшествующих эпох (при этом относящихся не только к собственной традиции) в значительной мере свойственна всем славянским литературам, восходящим к кирилло-мефодиевскому наследию¹, но, пожалуй, именно на древнерусском материале она особенно заметна. Здесь при развитой оригинальной литературе степень сохранности заимствованных памятников значительно выше, а круг их порой заметно шире, чем в литературах, их породивших. Излишне напоминать, что без обращения к восточнославянской традиции невозможна сколь-либо полноценная реконструкция древнейших славянских литератур — Великой Моравии (вторая половина IX в.), Первого Болгарского царства (последняя четверть IX — вторая половина X в.), Чехии (X—XI вв.). Для болгарской и сербской литератур XIII—XV вв. роль русской традиции заметно более скромна, но вполне сопоставима (особенно в отношении болгарской) с ролью национальных традиций². Число примеров сохра-

нения древнерусских памятников (оригинальных и переводных) в южнославянской книжной традиции, при всем историко-культурном значении этого феномена, существенно меньше как по количеству памятников, так и по количеству их списков³. И эту ситуацию явно нельзя объяснить только лучшими культурно-историческими условиями на Руси для сохранения славянского книжного наследия, хотя этот момент, бесспорно, играет определенную роль.

Древняя Русь вошла в культурный ареал *Siavia cyrillomethodiana*⁴ одной из последних стран — с принятием христианства в конце X в. Позже (в XIV столетии) в него (точнее, уже в *Siavia orthodoxa*) вошли лишь Валахия и Молдавия — страны с неславянским (романским) населением, но использовавшие в течение столетий (вплоть до XVII в.) церковнославянский язык в качестве языка письменности (кириллической) и богослужения. Поэтому на раннем этапе (X—XI вв.) культурные связи с другими странами ареала носили характер усвоения их наследия — Великой Моравии (через болгарское и чешское посредство), Первого Болгарского царства и Чехии. Само усвоение было по преимуществу *пóстумным*, поскольку Болгария была завоевана Византией в период крещения Руси и в ближайшие десятилетия вслед за этим событием (Западноболгарское царство *комитопулов* прекратило существование в 1018 г.), а в культуре Чехии XI в. *кирилло-мефодиевская струя* была лишь одной из традиций (наряду с латинской), и к тому же доживала последние десятилетия⁵. Во многом сходная ситуация сложилась и в эпоху «второго южнославянского влияния» (последняя четверть XIV — первая половина XV в.), когда Русь после длительного перерыва в культурных контактах с южными славянами (во многом вызванного татаро-монгольским завоеванием и последующим владычеством) усваивала и осваивала результаты переводного и оригинального творчества болгарских и сербских книжников конца XIII — раннего XV в.⁶ Хронологически это «влияние» совпало с завоеванием Болгарии османами и с последними десятилетиями полунезависимого существования (и культурного подъема) сербского деспотата (окончательно завоеванного в 1459 г.). При этом, несмотря на возможность более продолжительных контактов с Сербией, восточнославянская книжность в это время явно отражает ориентацию на среднеболгарскую традицию, что особенно заметно в орфографии⁷.

В целом *пóстумный* характер связей (наследование) является в силу исторических причин для ареала *Slavia cyrillomethodiana* скорее правилом, чем исключением. Болгария, Чехия, Хорватия и отчасти,

вероятно, Сербия выступают в конце IX в. наследниками литературной традиции Великой Моравии, разгромленной венграми. Позднее Второе Болгарское царство, Сербия и Хорватия оказываются (наряду с Киевской Русью) преемниками традиции Первого царства. Гораздо менее известно о синхронных культурных связях — свидетельства о них сохранились преимущественно для стран Балканского полуострова: Болгарии и Сербии.

В условиях неустойчивости территории и границ культурного ареала представление о его единстве и преемственности традиции обеспечиваются единством литературного (богослужебного) языка и наличием на этом языке корпуса текстов, общего для стран этого ареала. Этот корпус, определяемый исследователями как «пласт-посредник»⁸, либо ядро системы славянских литератур⁹, включает переводные (основу составляют литургические) и оригинальные тексты общехристианской (позднее — общеправославной) тематики.

Сам факт существования такого корпуса очевиден (и именно в его рамках наиболее интенсивно осуществлялся в Средневековье и раннее Новое время межславянский культурный обмен)¹⁰, однако конкретный его состав нуждается в уточнениях. Внутри корпуса можно выделить три категории памятников:

1. Тексты, реально представленные (целиком или фрагментарно) в древнерусской и южнославянской (хотя бы в одной из ее ветвей — болгарской или сербской) традициях¹¹.
2. Тексты, исторически несомненно присутствовавшие во всех ветвях традиции, но реально сохранившиеся лишь в одной из них (примеры: пространное житие Мефодия Моравского, «Закон судный людем», сборник слов против ариан Афанасия Александрийского в переводе Константина Преславского, «Диалоги» Псевдокесария («Вопросы Сильвестра и ответы Антония»), «Енхиридион» Эпиктета в обработке Максима Исповедника и другие).
3. Тексты, которые по своему характеру относятся к общему корпусу, но не известны за пределами одной (восточно- или южнославянской) ветви традиции (примеры: седмичные поучения Григория Философа¹², «Шестоднев Иакова, брата Господня»¹³, четьи тексты для минеи Общей¹⁴, поучения Феодосия Печерского, цикл триодных поучений Кирилла Туровского и другие).

Разумеется, для двух последних категорий абсолютно преобладают примеры из восточнославянской рукописной традиции.

Картина разницы в объеме и составе «пласта-посредника» в литературе восточных и южных славян тем более показательна, что на конец XII — первую половину XIII в. приходится период заметного оживления отношений между Русью и южными славянами («первое восточнославянское влияние») ¹⁵, обусловленный возрождением болгарской и сербской книжной традиции после длительного периода византийского владычества. При этом (довольно редкий случай для истории русско-южнославянских культурных контактов) он приходится на время существования независимых государств у всех трех народов. В этой ситуации особенно нагляден феномен «невозвращения» на славянские Балканы известных там в древнейшую эпоху литературных памятников Великой Моравии и Первого царства (хотя с точки зрения чистой логики трудно объяснить и факт отсутствия в литературах южных славян триодных поучений Кирилла Туровского ¹⁶ при огромной популярности на Руси в XV в. таких же поучений Григория Цамблака).

Причину этой разницы следует искать прежде всего в характере и обстоятельствах русско-южнославянских культурных связей. На протяжении всего средневековья они не носили государственного характера ¹⁷, и даже интерес восточных и южных славян к государственной истории соплеменников вплоть до XVI в. был минимальным, если не сказать нулевым. Русские летописи молчат о славянах на Балканах после походов Святослава, даже трагические события турецкого завоевания Болгарии и Сербии почти не нашли отклика у летописцев XIV—XV вв. Когда же на Балканы попал текст Русского хронографа, то сербские книжники XVI в. удалили из него русские сюжеты, сохранив лишь балканский материал ¹⁸. Но и церковные (по преимуществу монашеские) связи до конца XV в. не были прямыми ¹⁹ (в этом смысле даже пребывание во главе киевской митрополии в конце XIV — первой четверти XV в. архиепископов-болгар — Киприана и Григория Цамблака практически не влияет на ситуацию), а осуществлялись на невысоком, полуофициальном и неофициальном уровне в столице «византийского содружества» — Константинополе, либо в одном из традиционных интернациональных монашеских центров (Иерусалим, Синай, Афон) ²⁰. Среди последних с рубежа XII—XIII вв. все большую роль в этом отношении играет Афон, в XIV—XV вв. его значение вполне сравнялось со значением столицы империи. Эти центры, в силу их интернационального характера, действительно представляли широкие возможности для литературного обмена, во многом зависевшего от проявления личной инициативы. Однако база для него (круг памятников) у восточных и южных славян была исходно неравной. Даже в Палестине и на Синае, где и южносла-

вянские и русские монахи были достаточно удалены от родины (и при существовании для последних, вероятно, до середины XIII в., «стационарной базы» — русского Благовещенского монастыря в Палестине, упоминаемого в житии Евфросинии Полоцкой), южнославянские рукописи (правда, более поздние — XIV в.) бесспорно преобладают²¹. Еще в большей степени ситуация должна была отличаться в Константинополе и на Афоне, в силу их близости к южнославянским землям. В распоряжении восточнославянских книжников последней четверти XIV — первой половины XV в. здесь был практически весь корпус южнославянских переводов с конца XIII в. Южнославянские книжники во второй половине XII — первой половине XIII в. находились в значительно менее выгодных условиях. Их возможности знакомства с корпусом литературных памятников, известных на Руси (в полном виде представленном, возможно, даже не во всех кафедральных книгохранилищах Киевской митрополии), ограничивались достаточно скромной библиотекой Пантелеймонова монастыря²², новыми переводами с греческого, выполненными в Константинополе и на Афоне (Пролог Константина Мокисийского, Пандекты Никона Черногорца), в работе над которыми участвовали, возможно, и русские и южнославянские книжники, и довольно случайным набором текстов в книгах, привезенных из разных городов Руси иноками и паломниками.

Заметные перемены в общеславянском литературном корпусе (и в том числе в составе его древнейшей части) наблюдаются у южных славян в поствизантийский период («второе восточнославянское влияние»), когда меняется сам характер и даже уровень связей. Поездки паломников и иноков из Московского государства и Великого княжества Литовского (позднее — Речи Посполитой) продолжают и даже становятся более частыми и регулярными. Соответственно, продолжают и вклады в монастыри Святой Горы (в том числе и книг), но до широкого распространения восточнославянского книгопечатания (конец XVI в.) они мало влияют на ситуацию. Новшеством эпохи являются монастырские и архиерейские посольства, приезжающие на Русь и в Киевскую митрополию за финансовой поддержкой и принимающие пожертвования по пути следования²³. В этих условиях возможности для знакомства южнославянских книжников с восточнославянской книжно-литературной традицией значительно расширяются. А поскольку XV и ранний XVI в. во всем восточнославянском регионе характеризуется не только «вторым южнославянским влиянием», но и возрождением в полном объеме книжной традиции, восходящей к Киевской Руси (включая и весь корпус памятников, унаследованных

от культурно-исторических предшественников)²⁴, то наблюдается несколько неожиданная на первый взгляд ситуация. Вместе с переводами и сочинениями XVI в. (акафисты Франциска Скорины²⁵, переводы Максима Грека и Селивана²⁶, канон Ангелу — грозному воеводе Парфения Уродивого²⁷, «Притча о царе-годе»²⁸ и другие) в южнославянскую книжность приходит (хотя и не в полном объеме) целый ряд памятников древнейшего периода (не позднее XIII в.)²⁹, в том числе созданных, переведенных либо бытовавших на славянских Балканах в первые века славянской письменности.

Примечания

¹ Можно было бы без труда рассмотреть этот феномен на сербском материале XII—XIV вв. (см.: *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980 (2-е изд. 1991). С. 119—140; ср.: *Турилов А. А.* После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X — первой половине XIII в.) // *Иванов С. А., Турилов А. А., Флоря Б. И.* Судьбы славянской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000 (2-е изд. 2004). С. 76—162. Либо на хорватском, где это наследие представлено до XV в. в почти стерильно чистом виде, по существу без примеси оригинальных памятников (см.: *Hercigonja E.* Srednjovekovna književnost. Zagreb, 1975).

² См.: *Турилов А. А.* Болгарские и сербские источники по средневековой истории Балкан в русской книжности конца XIV — первой четверти XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. О корпусе южнославянских переводов XIII—XV вв. в восточнославянской традиции см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903 (репринт: Köln; Wien, 1989). С. 4—5, 18—23 (см. также наст. изд., с. 255—260).

³ Новейший подробный обзор корпуса памятников и списков см.: *Miklas H.* Kyrrillomethodianisches und nachkyrrillomethodianisches Erbe im ersten ostslavische Einfluß auf die südslavische Literatur // Symposium Methodianum. Neurid, 1988. S. 437—472; *Турилов А. А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII—XIV вв. // Славянские литературы // XI Международный съезд славистов. М., 1993. С. 27—42; *Павлова Р.* Восточнославянские святые в южнославянских рукописях XIII—XIV вв. Halle (Saale), 2008.

⁴ Термин, предложенный Р. Марти (*Marti R.* Slavia orthodoxa als litera- und sprachhistorisches Begriff // Исследования по славяновизантийскому и западноевропейскому средневековью (посвящается памяти Ивана Дуйчева). София, 1989. Т. 1. S. 193—200) для обозначения культурно-исторического ареала, объединяемого кирилло-мефодиевской традицией, взамен понятий *Slavia orthodoxa* и *Slavia latina*, введенных Р. Пиккио (*Picchio R.* «Prerinasimento est europeo» e «Rinascita slava ortodossa» // *Ricerche slavistiche.* 1958. Vol. 6. P. 185—199), обозначающих ситуацию в славянском мире скорее уже после

конфессионально-культурного раскола, оформившегося в XIII в. В аналогичном значении в исследовательской литературе употребляется также понятие *Slavia christiana* (см.: *Живов В. М.* Разыскания в области истории предьстории русской культуры. М., 2002. С. 73—169.).

⁵ О культурно-исторической ситуации в Чехии в X—XI вв. см.: *Sázava, památník staroslověnske kultury v Čechah. Praha, 1988. S. 70—116.*

⁶ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература...; Историографический обзор исследований по проблематике: *Станков Р.* Второто южнославянско влияние в Русия през XIV—XV в. // *Годишник на Софийския университет.* 1992. София, 1994. Т. 84. Кн. I. С. 69—106.

⁷ Интерес к сербским литературным памятникам XIII—XV вв. — при этом к житиям национальных святых — проявится в Московской Руси в конце XV — начале XVI в. (т. е. вновь в постумной форме), в первую очередь в связи с созданием Русского хронографа, для которого они послужили источником исторических сведений (см.: *Турилов А. А.* Болгарские и сербские источники...).

⁸ См.: *Naumow A.* Apokryfy w systemie literatury cerkiewnosłowiańskiej. Wrocław, 1976. S. 25—29.

⁹ *Лихачев Д. С.* Древнеславянские литературы как система // *Славянские литературы / VI Международный съезд славистов.* М., 1968. С. 5—48.

¹⁰ Памятники, не входящие в этот пласт, участвуют в литературном обмене обычно лишь в том случае, если они либо входят в макротекст устойчивого содержания (например, службы в составе служебных миней, тропари и кондаки в тропарниках, краткие жития в составе Пролога), либо являются вспомогательным текстом (предисловие или послесловие переводчика или компилятора), или входят в устойчивый конвой текста, принадлежащего к общему корпусу (подробнее см.: *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV — XV вв. и «второе южнославянское влияние» // *Древнерусское искусство: Художественная культура XIV—XV вв.* СПб., 1998. С. 322).

¹¹ Пример древнейшей чешской литературы, сохранившейся фрагментарно, и хорватской глаголической, с течением столетий все более приобретающей локальный характер, в данном случае не столь показательен.

¹² О памятнике см.: *Соболевский А. И.* Шестоднев Кирилла Философа // *ИОРЯС.* 1900. Т. 6. Кн. 2. С. 177—202; *The Edificatory Prose of Kievan Rus'.* Harvard, 1994. P. XLI—LIII.

¹³ См.: *Никольский Н. К.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 291—296.

¹⁴ См.: *Димитров П.* Поучения на Климент Охридски // *Старобългарска литература,* 1987. Кн. 20. С. 57—86. Атрибуция здесь цикла Клименту не выдерживает критики.

¹⁵ См. примеч. 3.

¹⁶ Ранее я высказывал предположение, что этот цикл был известен болгарским книжникам, на основании орфографии списка РНБ, ОЛДП, F. 215, перв.